

ИНСТИТУТ
ВОСТОЧНЫХ
РУКОПИСЕЙ
РАН

РУССКАЯ
ХРИСТИАНСКАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Миссионеры на Дальнем Востоке

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
19–20 НОЯБРЯ 2014 г.

СОСТАВИТЕЛИ:

*В. Ю. КЛИМОВ, Т. А. ПАН,
К. Г. МАРАНДЖЯН, Д. КИКНАДЗЕ, В. В. ЩЕПКИН*

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2014

УДК 2(571)
ББК 86.2(55)
М65

Составители:
В.Ю. Климов, Т.А. Пан,
К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин

М65 Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). — СПб.: Издательство РХГА, 2014. — 207 с.

ISBN 978-5-88812-702-5

УДК 2(571)
ББК 86.2(55)

ISBN 978-5-88812-702-5

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство РХГА, 2014

Содержание

От составителей.....	6
<i>Адамек П.</i> Польские миссионеры в Китае в XVII–XVIII веках.....	8
<i>Бертова А. Д.</i> Жизнь и деятельность Ниидзима Дзё.....	11
<i>Болошина М. С.</i> Русская Духовная Миссия и японские женщины эпохи Мэйдзи (по материалам журналов «Мадо» и «Муза») ...	13
<i>Болтач Ю. В.</i> «Деяния [людей] Трёх государств» о первом проповеднике буддизма в Корее — монахе Шунь-да	24
<i>Валеев Р. М., Колесова Е. В., Хабибуллин М. З.</i> Миссионерское востоковедение в Казани: события и судьбы (XIX – начало XX вв.)	30
<i>Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г.</i> В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.)	35
<i>Даньшин А. В.</i> Участник тринадцатой российской духовной миссии в Китае М. Д. Храповицкий и его вклад в изучение дальневосточного права	47
<i>Дмитренко А. А.</i> Российская духовная миссия в Китае в сравнении с инославными миссиями: причины неуспеха	50

<i>Захарова И. М.</i>	
Итоги изучения Сибири и Монголии участниками посольства Ю. А. Головкина	53
<i>Кикнадзе Д.</i>	
Об одном эпизоде из жизни патриарха японской школы Тэндай Эннина (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.)	56
<i>Климов В. Ю.</i>	
Христианство в Японии во 2-й половине XVI – начале XVII вв.: миссионеры, христианские даймё, источники (краткий обзор)	69
<i>Лалин П. А.</i>	
Первый опыт организации православного образования в Китае во время династии Цин: к истории Албазинского мужского училища (первая четверть – конец XIX в.)	90
<i>Маранджян К. Г.</i>	
Карл Гюцлаф в воспоминаниях современника (по материалам дневника миссионера Б. Беттельхайма)	105
<i>Мартынов Д. Е.</i>	
Специфика деятельности X православной Духовной миссии в Пекине (1821–1831)	114
<i>Месхидзе Д. И.</i>	
Педро Аррупе Гондра и его миссионерская деятельность в Японии (1938–1965).....	117
<i>Михайлова С. А.</i>	
Путевые заметки художника В. В. Верещагина о поездке в Японию летом 1903 года	120
<i>Носов Д. А.</i>	
Особенности деятельности Казанской миссионерской школы в буддийских регионах.....	122

<i>Османов Е. М.</i>	
Влияние «христианского столетия» на переход к политике самоизоляции Японии	141
<i>Пан Т. А.</i>	
Деятельность Доменика Парренина в Пекине	161
<i>Lauren F. Pfister</i>	
The Values and Limits of a Hermeneutics of Suspicion in Evaluating the Canon-in-Translations Produced by Missionary-Scholars: Cases and Reflections	171
<i>Сизова А. А.</i>	
Предварительные замечания о первом переводе «Ламрим Ченмо» на европейский язык, выполненном миссионером-иезуитом Ипполито Дезидери (1684–1733)	173
<i>Чхве Чиюн</i>	
Краткий очерк истории Корейской Православной Церкви ...	183
<i>Шубина С. А.</i>	
Источники личного происхождения о российской духовной миссии в Китае (XVIII – начало XX века)	192
<i>Щепкин В. В.</i>	
Первые миссионеры в землях айнов (1618–1622) и их наследие	200

*Пан Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук,
заведующая отделом Дальнего Востока
Института восточных рукописей РАН
ptatiana@inbox.ru*

Деятельность Доменика Парренина в Пекине

Традиционно считается, что начало деятельности французских миссионеров-иезуитов было положено группой «математиков короля» (*Mathématiciens du roi*), прибывшей в Китай на корабле «Одиссей» в 1688 г. Эта группа из шести человек, в которую входили математик, астроном, натуралист, географ, картограф и филолог, была направлена королем Людовиком XIV с определенной целью: с одной стороны, они должны были собирать сведения о Китае, с другой стороны, знакомить китайцев с европейскими научными достижениями. Среди них были впоследствии ставшие известными И. Буве (1656–1730), Ж.-Ф. Жербийон (1654–1707), к которым вскоре присоединились Ж.-Ф. М. де Майла (1669–1748) и Д. Парренин (1665–1741). Все они были не только выдающимися проповедниками и учеными, но и особо приближенными к маньчжурскому императорскому двору.

Французский миссионер-иезуит Доменик Парренин¹ (*Dominique Parrenin*, 1665–1741, китайское имя — Ба Домин) был одним из наиболее близких миссионеров ко двору императора Канси (1662–1722). Его пребывание в Пекине в течение 43-х лет довольно подробно отражено в его отчетах и письмах, которые были опубликованы в западноевропейских сборниках [6], однако в русско-

¹ В русской литературе встречается несколько вариантов написания этой фамилии — Паренин, Параним. Здесь мы используем русский вариант того имени, который помещен на могильной плите Доменика Парренина в Музее монументальной скульптуры в Пекине.

язычной литературе о нем написано сравнительно мало [10]. Доменик Парренин родился в 1665 г. в Безансоне, прибыл в Китай в 1698 г. и служил там до самой смерти.

По приезду в Китай Парренин быстро освоил китайский и маньчжурский языки и вскоре стал лучшим знатоком маньчжурского языка. Его современники говорили, что он владеет маньчжурским языком свободно, как своим родным.

В XVII в. сами маньчжуры считали, что их язык был самым богатым, гармоничным и изысканным, и предпочитали его любому другому языку. Любопытно письмо Парренина, в котором он описывает свою беседу с четырнадцатым сыном императора Канси принцем Ин-ти (1688–1755). Беседа состоялась 1 мая 1723 г., когда миссионер и принц Ин-ти спорили о преимуществах латинского или маньчжурского языка. Рассматривая латинские буквы, маньчжурский принц говорил, что «они маленькие, их немного, они нечеткие и напоминают цепь, звенья которой слегка разомкнуты или, скорее, подобны следам мух на пыльном столе. Как ты можешь через это передать много различных мыслей и явлений, события прошлого и настоящего?! А вот наши буквы и даже китайские иероглифы очень красивые, аккуратные и четкие, их много и можешь выбрать какие хочешь. В то же время они легко читаемы и не режут глаз. Короче говоря, наш язык мужественный и величественный. А вот когда вы говорите друг с другом, то я слышу не что иное, как верещание, похожее на жаргон провинции Фуцзянь» [9, с. 134–135]. Защищая европейские языки, Парренин говорил о неточностях маньчжурской транскрипции иностранных слов, считая, что латинская транскрипция маньчжурских и китайских слов более точная. Спор коснулся и поэтики, которая в латинском языке выражена четким ритмом и рифмой, что невозможно было в маньчжурском языке. Спор о языке разрешился тем, что принц продиктовал Парренину на маньчжурском языке письмо отцу Суаре, которое Парренин должен был записать на латинском языке. Ответ отца Суаре должен был быть по-китайски, чтобы принц Ин-ти смог проверить, что адресат понял смысл сказанного им текста. Когда пришел ответ от Суаре, то принц убедился в адекватности перевода с маньчжурского на латинский язык. Парренин пишет: «Принц стал лучше думать о европейских языках. То есть он поставил

их сразу же после своего (т. е. маньчжурского языка — Т. П.), хотя все-таки хотел поставить между ними китайский язык. Однако я громко запротестовал из-за этой несправедливости и сказал о многих недостатках китайского языка. «Хорошо, — улыбаясь, сказал принц, — я сдаюсь. Пусть китайцы, которые не любят спорить на эту тему, сами защищают себя» [9, с. 139].

Этот любопытный лингвистический спор между принцем Ин-ти и Домеником Паррениным лишней раз указывает на то, что в Парренине маньчжурский двор видел выдающегося знатока маньчжурского языка.

О своем восприятии маньчжурского языка Парренин писал в письмах во Францию, которые опубликованы на французском, немецком и английском языках. Его поражало своеобразие и лексическое богатство маньчжурского языка, обилие специальных названий животных в зависимости от породы, масти или возраста. Например, о слове «собака» он пишет: «Кроме обычных названий, таких как большие и маленькие собаки, породы собак, маньчжуры имеют специальные слова, обозначающие хорошие и плохие качества собаки. Если им нужно сказать, что у собаки длинная кочьями шерсть на хвосте и ушах, то подходит слово *taiha*; если у нее длинная густая шерсть на теле и хвосте, большие уши и отвислые губы, то все это выражается одним словом *yolo*... Если у собаки любой породы над бровями есть два клочка белой или желтой шерсти, то она определяется как *durbe*. Если собака пятнистая, как леопард, то она — *kuri*, а если она частично пятнистая, а остальная часть тела однотонная, то это — *balta*. Если у нее вся шея белая, то собака называется *cakû*, а если у нее в некоторых местах есть белая шерсть, то это *cikiri* и т.д. Слово *indahûn* — это общее название для собак» [9, с. 132].

Император Канси, открытый к восприятию новых знаний, интересовался достижениями европейской науки и приказывал переводить на маньчжурский язык новейшие труды по точным наукам. Так, например, по его приказу группой европейских ученых был сделан перевод «Геометрии» Эвклида [5], а Парренину был заказан перевод «Анатомии» Каспара Бартолини.

Считается, что обращение императора к европейской медицине было связано с его болезнью в 1692 г., когда он заболел лихорад-

кой во время очередной инспекционной поездки на юг от реки Янцзы. Китайские врачи ничем не могли помочь, и только обращение к врачам-иезуитам спасло Канси: отец Фонтанэ вылечил императора хинином. Этот факт возбудил интерес Канси к европейской медицине, анатомии и физиологии человеческого тела.

Начало составления перевода «Анатомии» было положено Иоахимом Бувэ еще до его отъезда из Китая в 1693 г. Он первым представил императору основные элементы европейского подхода к пониманию человеческого тела, основываясь на «Анатомии» Пьера Диониса «*Anatomie de l'homme suivant la circulation du sang et les nouvelles découvertes*», четвертое издание которой вышло в Париже в 1690 г. Затем эта работа была продолжена Д. Паррениным, изучавшим «*Anatomia nova*» Каспара Бартолини. В каталоге рукописей публичных библиотек Франции этот текст обозначен как «*Traité d'anatomie humaine, etc., en mandchou, adaptation par le P. Parrenun, S. J., des ouvrages de Thoman Bartholin (1616–1689) et de Pierre Dionis (1663–1718)*», что указывает на использование Паррениным обоих текстов. Самый полный список этой маньчжурской рукописи хранится в Национальном музее истории природы в Париже. Эта рукопись была послана Паррениным в Императорскую Академию наук Франции с приложенным письмом, датированным 1723 г. Она проиллюстрирована 125 рисунками различных частей тела, кровеносной системы и пищеварения. Другая рукопись, хранящаяся в парижской Национальной библиотеке, имеет 135 рисунков, а изданная версия из Королевской библиотеки в Копенгагене — 90 рисунков [1]. «Маньчжурская анатомия» познакомила маньчжурского читателя с европейским пониманием человеческого тела, системой кровеносных сосудов и мускулатурой. Подход иезуитов, безусловно, не был только медицинским. Они говорили о теле как вместилище души, при этом отмечая роль Создателя. В самом первом параграфе маньчжурского текста Парренин пишет: «Легко исследовать видимое тело, однако трудно определить невидимую душу, поэтому сначала мы рассмотрим видимое тело, а потом невидимую душу. Чтобы понять все основы видимого тела и невидимой души, нужно тщательно ознакомиться с явлением прекрасной добродетели Господа, создавшего вещи, нужно про-

поведовать любовь и уважение и понимать вечное существование души» [7].

Однако такое восприятие тела, в первую очередь, в его физиологических подробностях, в корне отличалось от традиционно китайского представления. Поэтому император Канси, удовлетворив свой научный интерес и любопытство, приказал сделать несколько копий перевода Парренина с иллюстрациями для дворцовых библиотек, не разрешив печатного распространения текста. Императорский указ о составлении Паррениным иллюстрированного маньчжурского текста «Анатомии» датируется 1715 г. В течение 5 лет Парренин представлял переведенные части текста, которые просматривались и исправлялись самим императором. Эти исправления помещены в списке из Национального музея истории природы в Париже в конце 4-й, 7-й и 8-й тетрадей. Они представляют особый интерес для лингвистов-маньчжуроведов. Несмотря на то, что Парренин прекрасно владел маньчжурским языком, некоторые формулировки явно резали слух императора как носителя языка, который заменял их привычными разговорными выражениями [4, с. 159].

Исторические документы свидетельствуют о том, что первые дипломатические переговоры цинского Китая с Россией велись на латинском языке через миссионеров-иезуитов, находившихся на службе императора [11]. Будучи доверенным лицом императора Канси, Парренин участвовал почти во всех переговорах цинской администрации с российскими представителями. Использование иностранцев в роли переводчиков, когда они могли влиять на ход дипломатических переговоров, не всегда устраивало цинскую администрацию. Возможно, поэтому при императоре Юнчжэне (1723–1735) была открыта латинская школа, которую возглавил Парренин. Об этом мы узнаем из его писем в Санкт-Петербург академику Теофилу Зигфриду Байеру, где он сообщает, что «китайский император устроил в Пекине гимназию для обучения латинскому языку юношей из своих подданных татар (т. е. маньчжур) и китайцев, с тою несомненно целью, чтобы постоянно иметь под рукою готовых переводчиков, которые могли бы переводить латинские письма, посланные сюда из России и ответы на них, написанные на татарском (т. е. маньчжурском) языке, переводить на латинский

язык» [12, с. 53]. Для преподавания в этой школе Парренин переработал изданный Парижской Академией латинско-китайский словарь Петра Данетия (Petrus Danet. Lexicon Latinum). Об этой же школе в своих письмах писал и Антуан Гобиль, который возглавил ее после смерти Парренина. О создании латинской школы долгое время было известно только из писем иезуитов. Лишь в конце XX в. в Первом историческом архиве в Пекине были обнаружены материалы, касающиеся этой «западной школы» [8].

Из разбросанной информации можно установить, что школа была открыта в 1729 г., и ее директором был назначен Парренин. Полный курс составлял 5–7 лет, и всего было набрано три группы: в первой группе было 30 человек, из которых 7 человек были отчислены за неуспеваемость; во второй группе было 10 человек, из которой 3 человека были отчислены; в 1734 г. в ней училось 24 ученика. Всего 20 человек успешно окончили эту школу и были приняты на службу секретарями-переводчиками. В 1741 г. школу возглавил Гобиль, а в 1744 г. школа была закрыта [4, с. 158].

Следует особо остановиться на участии Доменика Парренина в научной переписке с Санкт-Петербургской Академией наук, которой иезуиты уделяли особое внимание. В ней были заинтересованы как российские ученые, которые получали из Китая научные материалы из первых рук, так и пекинские иезуиты, которые пользовались возможностью кратчайшего пути передачи своих сообщений в Европу. Исследователь и переводчик писем иезуитов, хранящихся в Архиве Академии наук, В. П. Таранович писал: «Переписка Академии Наук с пекинскими иезуитами находила полную поддержку и со стороны русского правительства, стремившегося этим путем расположить к себе иезуитов для достижения разных политических и экономических целей. Это доказывается хотя бы тем, что пересылка писем и прочих материалов от Академии Наук в Пекин проходила через русских дипломатических курьеров, директоров казенных торговых караванов и т. д. Кроме того, из письма академика Байера к иезуиту Кеглеру, датированного 13 ноября 1733 г., мы узнаем, что в этой переписке был заинтересован и принимал близкое участие глава ведомства иностранных дел и член Верховного Тайного Совета граф Остерман» [12,

с. 53]. В ответе Байера на письма иезуитов из Пекина мы читаем: «Когда мы собрались в академии, граф Остерман, вице-канцлер империи, переслал президенту Академии барону Кейзерлингу пачку ваших (т. е. пекинских иезуитов) писем. После того как они были распечатаны и прочитаны, я не могу выразить словами какое удовольствие они доставили Президенту и всему нашему собранию и сколько чести они доставили моему коллеге (т. е. Делилю) и мне. По этой причине мы выразили признательность графу Остерману, потому что он первый понял пользу этого дела, взял на себя его поддержку и был покровителем в рекомендации вас и деле содействия вам. В это время он достаточно показал, что это дело (т. е. сношения с иезуитами) ему весьма приятно и затем также, что оно будет предметом его сердечной заботы» [12, с. 18–19]. Все письма иезуитов, адресованные академикам или дальше, в Европу, копировались в канцелярии Академии и отправлялись адресатам. Благодаря этому в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук сохранилась переписка академиков с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII в. Она касается различных научных вопросов, как, например, вопросов китайского и маньчжурского языков, литературы, религии, географии, математики, астрономии, физики и т. п. Инициатором переписки был академик Байер (1694–1740), который в сентябре 1731 г. послал в Пекин свое сочинение «*Museum Sinicum*». Коллективный ответ пекинских иезуитов Кеглера, Перейры, Славичека, Гобилия и Парренина был отправлен через Ланга в сентябре 1732 г. и был получен в Петербурге в конце 1733 г. Безусловно, Байера интересовало мнение иезуитов о его монументальном труде по китайскому языку. Высказав общие фразы похвалы, пекинские иезуиты воздержались от научных комментариев. В своем письме Парренин писал, что «он держал в руках “*Museum Sinicum*”, но не успел изучить содержание этой книги, так как ее нарасхват берут другие иезуиты, желающие ознакомиться с ее содержанием. Одного экземпляра этой книги для трех иезуитских коллегий недостаточно. Дать определенного мнения об этой книге он пока не может и вообще он уклоняется давать оценку трудам авторов, которые никогда не были лично в Китае и не упражнялись с природными китайцами в отношении

их иероглифов, языка и науки. Впрочем, в этом труде автор, по мнению Парренина, обнаружил пронизательность ума, необыкновенное занятие литературой и неутомимую общественно-полезную работу. Парренин выражает удовольствие, что граф Остерман передал Байеру китайско-латинский словарь, который был подарен им, Паррениным, русскому посланнику Савве Владиславичу во время его пребывания в Пекине, вместе с двумя другими китайскими книгами» [12, с. 78]. В этом же письме Парренин сообщает об открытой им школе латинского языка и посылает Байеру требуемые им книги на китайском языке — конфуцианское «Пятикнижье», словари «Цзы хуй» и «Хай пянь», а также картину с изображением цилиндра.

В ответе Парренину от 15 ноября 1733 г. Байер сообщает, что под давлением Остермана и архиепископа новгородского Феофана Прокоповича он начал составление китайского словаря на основе китайско-латинского словаря Парренина, китайского словаря доминиканца Диазия и двух присланных ему китайских книг. Байер описывает принятую им методику для составления словаря и обращается с просьбой разъяснить ему многие непонятные начертания. В подарок Парренину он посылает первые три тома Комментариев Академии Наук и другие книги [12, с. 56].

Не дождавшись ответа, через год, в ноябре 1734 г., Байер вновь написал письмо иезуитам в Пекин. Парренина он благодарит за подарки, полученные через Ланга, а именно: земной глобус работы иезуита Иербиста, за книгу Джулио Алени, описание памятника из Син-ань-фу, портрет неизвестного мандарина, изображение цилиндра на шелке, которое отличается от виденного Байером в доме архиепископа новгородского.

Фактически, в 1731 г. переписка с пекинскими иезуитами началась по личной инициативе Байера и Делиля, которые были знакомы с некоторыми иезуитами по учебе или работе на Западе до переезда в Санкт-Петербург. И только на заседании Конференции Академии наук 11 октября 1734 г. было решено продолжать эту переписку от имени Академии наук. С этого времени письма Президента Академии наук, ее секретарей и отдельных академиков посылались после предварительного оглашения их содержания на заседаниях Конференции, а с полученных из Пекина писем сни-

малась обязательная копия. Академия наук делала заказы на приобретение книг и материалов. Так, например, в 1737 г. при отъезде Ланга из Пекина иезуиты собрали несколько ящиков книг от трех иезуитских коллегий¹, при этом старшина Пекинского Общества иезуитов Доменик Парренин послал российской Академии наук коллекцию книг и рукописей, копии писем, декретов и резолюций по вопросам китайских обычаев и их сравнению с христианской верой [12, с. 78]. До смерти Байера в 1740 г. и Парренина в 1741 г. переписка между российской Академией наук и пекинскими иезуитами была связана с именами этих двух выдающихся личностей.

За свою долгую жизнь в Пекине (43 года) Доменик Парренин служил при маньчжурском дворе во время правления трех императоров: Канси (1662–1722), Юнчжэна (1723–1735) и Цяньлуна (1736–1796). Он скончался в Пекине в 1741 г. и был похоронен на так называемом «Французском кладбище» Чжэнфусы, которое впоследствии было уничтожено². Сохранились эстампажи с его могильного камня с надписями на латинском и китайском языках. В китайский текст включен императорский указ, датированный 24 днем 9-й луны девятого года правления Цяньлуна, в котором выражается признание императором заслуг Доменика Парренина: «Ба Домин был честным человеком и в течение многих лет служил усердно. В его память полагается специальное жертвоприношение, двести унций серебра и два рулона сатина. Сделать согласно этому!» [4, 160–161].

Литература

1. Anatomie Mandchoue. Facsimilé du manuscrit no. II du fonds oriental de la bibliothèque royale de Copenhague. Publié sous les auspices de †M. Abr. Clod-Hansen par M. Victor Madsen. Traduction du texte mandchou par †M. Vilhelm Thomsen. Copenhague, 1928.

¹ В первой половине XVIII в. в Пекине было три иезуитские коллегии: северная (французская), южная (португальская) и восточная (немецкая и итальянская) под общим руководством старшины Иезуитского Ордена — Доменика Парренина.

² В настоящее время надгробные камни с могил Бувэ, Жербийона де Майла, Амлю и Парренина находятся в пекинском музее стел у храма Ута-сы.

2. Description géographique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de Tartarie Chinoise enrichie des cartes generales et particulieres de ces Pays, de la Carte dénérale et des Cartes particulieres du Tibet, et de la Corée, et ornée d'un grand nombre de Figures et de Vignettes gravées en Taille-douce. Par le P. J. B. du Halde, de la Compagnie de Jesus. Tome quatrieme. A Paris, MDCCXXXV (1735). P. 65–73.

3. Grover Y. La corespondence scientifique du P. Dominique Parrenin (1665–1741) // Les rapports entre la Chine et l'Europe au temps des lumères. Actes du II-e colloque international de Sinologie. Chantilly, 1977. Paris, 1980. P. 83–98.

4. Pang T. A., Sary G. Dominique Parrenin's Activities in the Manchu World of Kangxi // Missionary Approaches and Linguistics in Mainland China and Taiwan. Ed. by Ku Wei-Ying. Leiden, 2001. P. 153–159 (Leuven Chinese Studies, X).

5. Pang T. A., Sary G. On the Discovery of a Printed Manchu Text Based on Euclid's «Elements» // Manuscripta Orientalia. Vol. 6, no. 4. September 2000. P. 49–56.

6. Pfister L. Notices biographiques et bibliographiques sur les Jésuites de l'ancienne mission de Chine 1552–1773. Chang-hai, 1932–1934. P. 501–518.

7. Walravens H. Medical Knowledge of the Manchus and the Manchu Anatomy. In M.-D. Even (ed.) Actes de la 37e PIAC. Chantilly, 20–24 juin 1994. Études mongoles et sibériennes, no. 27. Paris, 1996. P. 359–374.

8. Го Фусян. Ба Домин юй цингун сиян сюэгуань (Парренин и западная школа при цинском дворе) // Цзы цзиньчэн (Запретный город), № 97 (1998). С. 22–23.

9. Пан Т. А. Записки французского миссионера Д. Парренина о маньчжурском языке // Altaica X. М., 2005. С. 130–140.

10. Пчелин Н. г. Миссия иезуитского ордена в Китае 1579–1842. Автореферат дисс... канд. ист. наук. СПб, 1999.

11. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978.

12. Таранович В. П. Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке // Пан Т. А., Шаталов О. В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского китаеведения. СПб–Воронеж, 2004.